

к прозомерическим) формам, особенно в приложении: неточен в определении количества иктов или стоп, не отмечает существенные отступления от силлабо-тоники к дольнику или от начального числа стоп, не во всяком версе замечает метризацию или эпизодическую рифму и т. д. (с. 6, 17, 47, 147, 149, 155, 156, 182, 183, 190, 192, 194). Можно спорить с теми или иными толкованиями, например, происхождения каких-то форм. Но бесспорно одно: впервые в жанре монографии получила широкое освещение одна из фундаментальных проблем литературоведения, находящаяся к тому же на стыке с лингвистикой и общей культурологией. А желание спорить с Ю. Б. Орлицким естественно, поскольку больше спорить по затронутым вопросам практически не с кем.

1. *Новиков Вл.* В Союзе писателей не состоял... Писатель Владимир Высоцкий. М., 1991.
2. *Баевский В. С., Ибраев Л. И., Кормилов С. И., Сапогов В. А.* К истории русского свободного стиха // Русск. лит. 1975. № 3.
3. *Гаспаров М. Л.* Русский стих. Учебный материал по литературоведению. Даугавпилс, 1989. Ч. 1.
4. *Есенин С.* Собр. соч. В 6-ти т. М., 1980. Т. 6.

С. И. Кормилов

РЕДКИЕ КИТАЙСКИЕ НАРОДНЫЕ КАРТИНЫ ИЗ СОВЕТСКИХ СОБРАНИЙ. Составители и авторы предисловий: чл.-кор. РАН Б. Л. Рифтин, проф. Академии изящных искусств Ван Шуцунь (КНР), глав. ред. изд-ва «Народное искусство» Лю Юйшань (КНР). Л.: Аврора, 1991; Пекин: Народное искусство, 1991. 206 репрод. с пояснениями Ван Шуцуня, Б. Л. Рифтина

Несомненно, рецензируемой книге суждена долгая жизнь, хотя объект ее — китайская новогодняя лубочная картинка — был по самому своему назначению эфемерным, рассчитанным на год. Но оказался, теперь это ясно, драгоценностью на века. Заглянув в альбом, вряд ли кто-нибудь не согласится, что перед ним не картинки, а картины с запечатленной в них художественной школой. Однако в пору своего расцвета (середина XIX — начало XX в.) они были лишь предметом обихода, который потребители, конечно, не хранили (стоили-то гроши), а ценители искусства не снисходили к такому ширпотребу. Долгие годы эти творения народного искусства наподобие радужных бабочек залетали в китайские жилища, скрашивая их убогость, а затем погибали, не вызывая сожаления. Перевооружив идеальные и по фактуре и по формату листы с великолепными репродукциями, будем помнить о том, как легко могли не дойти до нас эти хрупкие бумажные диковинки, если бы на их пути к альбому не встретились люди, обладающие даром замечать красоту и тогда, когда она не ценится, когда за ней не гоняются.

В статье-предисловии Б. Л. Рифтина названы имена россиян (многие остались неизвестны), увозивших в свои далекие города китайские лубки из одного лишь интереса к их яркому своеобразию и не думавших, что тем самым

спасают их. В коллекции одного из составителей альбома Ван Шуцуня, которую он начал собирать в 1940-х годах, более 7 тыс. картин, но в наших музейных и частных собраниях он встретил не только неизвестные ему образцы, но и типы. Теперь они возвращаются на родину на страницах альбома в его китайском варианте.

Главное действующее лицо, а хочется сказать герой этой книги, — китаист Б. Л. Рифтин, исследователь китайского фольклора, неутомимый и удачливый следопыт — думаю, что именно так назвал бы Б. Л. Рифтина его учитель В. М. Алексеев, любивший говорить ученикам: «Китаист должен быть хорошим следопытом. Шерлок Холмс был бы неплохим китаистом». Б. Л. Рифтин оправдал это пожелание. К адресам известных коллекций его розыски добавили еще добрый десяток адресов — музеев, библиотек, частных домов Москвы, Петербурга, Казани, Омска, Иркутска, Тбилиси, в которые самыми разными путями залетели китайские новогодние картины. Отобранные для альбома образцы далеко не исчерпывают фонд редких картин, а поиски еще не кончились, Б. Л. Рифтину известны собрания в Риге, Одессе, Саратове, Киеве, Смоленске, Вильнюсе.

Рассказанная Рифтиным история собирания китайских лубков заезжими из России поучительна уже тем, что в большинстве это были люди от китаистики далекие. Первую коллек-